

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ВОЕННЫХ МОНУМЕНТАХ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Научная статья является историографическим исследованием вопроса сохранения памяти об отечественном военно-мемориальном наследии. Авторы приходят к выводу о том, что в основе многих российских научных трудов и статей лежат идеи зарубежных исследователей М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана. Значительное увеличение научных работ, посвященных концепциям исторической памяти и коллективной памяти, сохранению памяти военно-мемориального наследия, наблюдается в 1997–2013 гг., что связано с формированием исторической политики и поиском ресурсов для дальнейшего развития России. Главной темой многих работ выступает победа в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: сохранение памяти, военно-мемориальное наследие, коллективная память, памятные места и сооружения, объекты культурного наследия.

Поднимая сегодня военно-мемориальную тему, можно согласиться с мнением военного историка Г. М. Ипполитова, что все меньше и меньше остается оснований для пацифистских иллюзий [см.: Ипполитов, с. 150–152]. В наше кризисное время особенно важно продолжать процесс возрождения достоверного и уважительного отношения к отечественной истории и чаще вспоминать слова А. С. Пушкина о том, что «уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости. Гордиться славою своих предков не только можно, но и нужно» [Пушкин, с. 65].

Тема нашего исследования тесно связана с концепцией исторической памяти, которая сегодня востребована не только историками, но и социологами, культурологами, политиками. Следующим необходимым понятием становится «коллективная память», понимаемая как «комплекс разделяемых определенным сообществом мифов, традиций, верований, представлений» [Психология памяти, с. 436].

Исследователи различают соотношение понятий «коллективная память» и «историческая память». В частности, коллективная память чаще всего трактуется как «общий опыт, переживаемый людьми совместно».

«Историческая память» понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества) или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных, ненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом [см.: Репина, с. 39–51].

С начала 1990-х гг. в России активизировались исследования по таким темам, как коллективная память, места памяти, культурная память. Исследователи обратились к классическим работам, появились труды, отражающие современные представления об указанных понятиях.

Значительное влияние на формирование и развитие отечественной историографии проблемы сохранения памяти оказали зарубежные исследователи. Основателем теории исторической памяти считается французский социолог М. Хальбвакс. В своих работах он останавливается на социально-коммуникативном характере воспоминаний. Посещение мнемонических мест и связанные с этим ритуалы – один из самых действенных способов развития исторической памяти [см.: Хальбвакс, с. 323].

В конце 1990-х гг. российский читатель открыл для себя концепцию «мест памяти», созданную еще одним французским автором – Пьером Нора, который обращает внимание на такое явление, как прекращение существования памяти. Растущий интерес к местам памяти объясняет попыткой сгладить ощущение разорванной памяти. Монументы, музеи, архивы, коллекции призваны поддерживать существование сообщества. При этом, по мнению французского исследователя, память о военных действиях конструируется наиболее активно, поскольку всегда мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события [см.: Нора, с. 20].

Ю. Ю. Хмелевская, например, считает, что «местами памяти могут стать люди, события, предметы, здания, традиции, легенды, географические точки, которые окружены особой символической аурой. Их роль прежде всего символическая, т. е. напоминание о прошлом, наполняющее смыслом жизни в настоящем». Рассматривая проект П. Нора по подготовке многотомного издания «Места памяти», автор отмечает, что важной характеристикой является то, что места памяти могут нести разные значения, и эти значения могут меняться [см.: Хмелевская, с. 13].

Особо отметим труд немецкого ученого Я. Ассмана «Культурная память» (1992). Автор выделил два вида памяти – коммуникативную и культурную: к первой в той или иной степени приобщены все члены группы, знание приобретается вместе с языком и повседневной коммуникацией; вторая же всегда имеет своих носителей (жрецов, ученых, писателей и т. д.) [см.: Ассман, с. 54–55]. Протоформой всякой культуры, по Ассману, является поминовение мертвых. Воспоминания, связанные с умершими,

с одной стороны, относятся к коммуникативной памяти, так как представляют некий способ общения группы со своими умершими членами, а с другой, их можно считать частью культурной памяти, поскольку они требуют специальных обрядов, институтов, носителей [см.: Арнаутова, с. 51].

Немецкий теоретик Т. Адорно объясняет манипулирование исторической памятью особенностью самой памяти – это не только способность забывания, но и желание избавиться от прошлого [см.: Адорно, с.39].

Современные социологи обращают внимание на то, что историческая память – не просто канал передачи сведений о прошлом, это важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом [см.: Нужны ли памятники войнам Красной армии...]. М. В. Соколова считает, что именно важность «идентификационной» функции исторической памяти объясняет растущий интерес к прошлому в российском обществе и присутствующее стремление облечь его в символические формы [см.: Историческая память..., с. 22]. Исследования социологов показывают, что наибольшее значение для сохранения единства национального самосознания для российского народа сегодня имеет историческая память о Великой Отечественной войне как память о Победе [см.: Соколова, 2008, с. 38–40].

А. В. Стрельникова отмечает и то, что само материальное и символическое конструирование памятников, посвященных военному прошлому, контекстуально связано с целым рядом внешних факторов, таких как текущие культурные предпочтения, идеологические и политические аспекты [см.: Стрельникова, с. 234].

Другой автор, З. Балака, в ряде публикаций поднимает вопрос о памяти архетипа [см.: Балака, с. 86–88]. Применительно к теме нашего исследования научный интерес представляет выяснение автором того, какие же архетипы заняли центральное место в жизни советского народа во время Великой Отечественной войны, так как это нашло своеобразное преломление в военно-мемориальном искусстве тех лет: «Великий отец – образ, дающий ощущение безопасности и надежды... Родина-мать – женский образ, соединяющий в себе патриотизм и кровную привязанность» [Там же, с. 86]. От себя добавим, что архетипы присутствуют и во множестве монументальных скульптур, возведенных на кладбищах и захоронениях в послевоенный период.

В исследовании Н. Конрадовой и А. Рылеевой, посвященном мемориалам Великой Отечественной войны, содержится интересный вывод о том, что наиболее активными периодами установки памятников участникам Великой Отечественной войны были юбилеи победы, в результате «хотя бы один монумент стоит в каждой деревне, из которых уходили

люди на фронт, не говоря уж о малых городах или районных центрах, где их бывает по несколько» [Конрадова, Рылеева, с. 255].

Выделяя периоды 1940-х, 1960-х и 1980-х гг., авторы отмечают смену тенденций в используемой символике и внешнем виде памятников. Так, в первые годы войны и сразу после ее окончания ставились простые стены с именами погибших, чуть позже появились образы солдат с опущенной винтовкой. В 1960-е гг. появились монументальные тенденции: стали ставить большие памятники, мемориальные комплексы. В 1980–1990-е гг., как отмечают авторы, начали достраиваться новые элементы к уже существующим памятникам, а новые памятники уже не статичны, они отражают драматические эмоции.

Увековечению памяти о Великой Отечественной войне в мемориальных памятниках и исторической памяти посвящены научные работы А. А. Кавалени, С. В. Палмера и многих других [см.: Каваленя, с. 52–67; Palmer, p. 373–407].

Кандидат искусствоведения Е. М. Коляда в ряде своих публикаций рассматривает типологическую характеристику русских мемориально-ландшафтных композиций. Автор дает характеристику наиболее распространенных архитектурных форм в мемориальной тематике – это, в первую очередь, триумфальные колонны, затем обелиски, триумфальные ворота, мемориалы в честь отдельных личностей. По мнению ученого, именно Великая Отечественная война породила в русском ландшафтном проектировании парки не только торжественного и траурного содержания, но и привела к строительству полифункциональных парковых комплексов, в композиции которых реализовались темы мира, дружбы народов и др.

Но для нашей страны, пишет автор, в начале XX столетия популярной темой являлась тема Революции. В конце XX в. в России появились парки, посвященные воинам-интернационалистам. Главными организующими элементами объемно-пространственной композиции мемориальных парков, по мнению автора, являются так называемая Аллея Славы и мемориальный музей [см.: Коляда, 2011, № 3, с. 251–260; Коляда, 2011, № 4, с. 220–228].

Ольга Коршунова посвятила свою работу мемориальной проблеме в советской архитектуре. Автор отмечает, что уже в первых эскизах первого проекта советских архитекторов тема мемориала нашла свое воплощение во множестве сооружений различного назначения. Это надгробие, памятники и памятные знаки на местах, связанных с событиями Великой Отечественной войны, монументы героям, пантеоны, музеи и т. д. В них – память героя, вечность жизни, триумф, скорбь и мужество. Скульпторы стремились к новым формам, сочетая различные элементы: курган, ступенчатую пирамиду, купола с люкарнами, ниши и т. д.

О. Коршунова считает возможным провести аналогию событий художественной жизни военных и послевоенных годов с событиями после победоносной кампании 1812 г., когда вся культура также оказалась во власти мемориальной темы. Как война 1812 г. наложила «печать» на всю архитектуру «послепожарной» Москвы, пишет Коршунова, так и Великая Отечественная война оставила память о себе на фасадах зданий, в многочисленных мемориалах воинской славы [см.: Коршунова, с. 46–47].

Неоспоримый интерес представляют современные диссертационные исследования, выполненные в различных научных направлениях, но затрагивающие тему мемориального искусства. Обращение к данным исследованиям позволяет расширить понимание военно-мемориальной тематики, которую нельзя ограничить лишь мемориальным строительством.

Так, Т. Г. Малинина рассматривает тему художественного образа памятника Великой Отечественной войны (по материалам конкурсов и выставок 1941–1945 гг.). Особо подчеркивается то, что мемориальная тема заняла важное место в монументальном искусстве военных лет, в проектировании памятников участвовали практически все мастера советской архитектуры и монументальной скульптуры. Конкурсы стали заметным событием культурной жизни в годы войны. Архитекторы, пишет автор, создавали проекты, предназначенные для немедленного осуществления, на ближайшую перспективу и проекты-идеи [см.: Малинина, 1991; Малинина, 1984].

А. Е. Лапшина, обращаясь к теме древнерусского монументального искусства в его философско-эстетическом измерении, пишет о том, что монументальное искусство обладает большим спектром эстетической, художественной, идеологической значимости [см.: Лапшина, с. 8].

К работам по строительству и воссозданию мемориалов, обелисков, посвященных памяти сражавшихся в годы Великой Отечественной войны, целесообразно отнести и труды Е. М. Кукиной и Р. Ф. Кожевникова [см.: Кукина, 2001; Кукина, Кожевников, 1997]. В них отражена история создания памятников и мест боевой славы Москвы. Исследованием московских памятников и мемориалов также занимаются такие ученые, как А. В. Святославский [см.: Святославский], Е. Е. Касаткина [см.: Касаткина]. В 2001 г. вышло коллективное исследование, единственное в своем роде, посвященное монументам военной славы России начиная с XVIII в. и до наших дней [см.: Монументы и памятники...]. К. Г. Сокол рассматривает российские монументы как объект исторической географии [см.: Сокол].

Конкретным «местам памяти» Сахалинской области в контексте проблемы сохранения памятных мест погибшим посвящены работы И. А. Самарина [см.: Самарин]. Е. В. Ильин анализирует битву за Ленинград

и проблемы увековечения памяти погибших защитников Отечества [см.: Ильин, с. 16–21]. С. И. Садовников изучает возможности архивов по оказанию помощи поисковой работе по обнаружению и захоронению воинов Великой Отечественной войны [см.: Садовников, с. 270–286].

В настоящее время исследования проводятся не только в России, но и в странах СНГ, а также в дальнем зарубежье. Совместные проекты посвящены проблемам «исторической памяти». Наиболее активно тематика исторической памяти разрабатывается в Республике Беларусь [см.: Болсун]. Авторы работ едины во мнении, что национальные места исторической памяти, к которым относят и рукотворные мемориалы, способны служить сплочению общества.

О. В. Галкова в своей докторской диссертации, говоря об актуальности обращения к теме сохранения российского культурного наследия, подчеркивает, что сегодня все отчетливее проявляется понимание роли и места наследия в процессе культурно-исторической самоидентификации российского общества [см.: Галкова, 2012, с. 3]. Такой же позиции придерживаются культурологи М. В. Глаголев [см.: Глаголев, с. 3], А. В. Лисицкий [см.: Лисицкий, с. 4].

Ряд авторов отмечают тревожные, на их взгляд, тенденции. Так, В. Ю. Микрюков указывает на то, что в настоящее время во всем мире набирает ход мощная кампания по умалению подвигов советских воинов [см.: Микрюков, с. 8–11]. Генерал армии М. А. Гареев считает, что фальсификация истории Великой Отечественной войны наносит серьезный ущерб имиджу России на международной арене [см.: Гареев, с. 233]. Е. В. Малышева делает вывод о том, что сохранение исторической памяти о войне, ее защита от ревизии и фальсификации, укрепление на этой основе духовного потенциала российского общества служат решению основных задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития России [см.: Малышева, с. 49].

Автор книг по истории Великой Отечественной войны А. В. Исаев, в свою очередь, не согласен с популярным в определенных кругах общества мнением о том, что в печати организован чуть ли не заговор против советско-российской истории. Источник нынешних проблем при изучении и оценке событий Великой Отечественной войны, на его взгляд, кроется в низком качестве исследований этой темы в застойные годы и перестроечное время [см.: Интервью..., с. 27–33].

Коллектив авторов из Курской области на страницах журнала «Клио» представил анализ того, как проводится военно-мемориальная работа в их регионе [см.: Золотухин и др.]. На основе анализа ряда документов, донесений политуправлений авторы делают вывод о том, что уже в 1943 г.

были повышены требования к захоронениям. Вслед за подвигами отдельных лиц немедленно принимались решения об увековечении их памяти. На территории 28 районов Курской области установлено 730 памятных знаков в честь подвигов павших героев войны. Авторы подчеркивают то, что в настоящее время памятники воинской славы играют активную роль в воспитании молодежи.

Е. Е. Вяземский в своих последних исследованиях поднимает такую проблему, как «политика памяти». Автор утверждает, что «политика памяти» становится не инструментом «врачевания» травм прошлого, а средством достижения актуальных политических целей, не имеющих с прошлым ничего общего. В частности, «политика памяти» может стать стратегией формирования национальной идентичности и исторической памяти. Он пишет о том, что государство влияет на «политику памяти» и исторические исследования посредством регулирования доступа к архивам и финансирования научных работ [см.: Вяземский, 2010; Вяземский, 2011].

Современные историки Г. А. Бордюгов и В. М. Бухараев приходят к заключению, что в широком смысле слова «историческая политика» предполагает поиск ответов на вопросы о том, как исторические интерпретации превращаются в инструменты «реальной политики», инструменты утверждения политических идей и идеалов, формирования национальной идентичности [см.: Бордюгов, 2011; Бордюгов, 2010; Бордюгов, Бухарев, 2011].

Е. Е. Вяземский и О. Ю. Стрелова в своих работах рассматривают влияние «исторической памяти» на сферу исторического образования. Авторы считают, что содержание учебной литературы всегда находится под влиянием определенных политических установок, выполняет социальный и государственный заказ [см.: Вяземский, 2011; Стрелова]. М. В. Соколова исследует проблему исторической памяти при написании школьных учебников [см.: Соколова, 2011, с. 17–22].

Современные историки, культурологи, искусствоведы, правоведы с профессиональных позиций рассматривают правовые проблемы защиты монументов, их смысловое содержание, используют при этом предмет исторической памяти. Так, Л. В. Кошман в одной из своих последних статей рассматривает проблему сохранения культурного наследия в ее историческом аспекте [см.: Кошман, с. 7–15]. О. В. Галкова рассматривает историю изучения культурного наследия в отечественной историографии. Говоря о проблемах сохранения культурного наследия на современном этапе, автор доказывает, что, обладая колоссальным материальным культурным наследием, Российская Федерация не в состоянии обеспечить своим движимым и недвижимым памятникам истории и культуры надлежащую охрану и использование. Автор считает, что система охраны национального культур-

ного наследия сегодня переживает агрессивный натиск рыночных, товарно-денежных отношений [см.: Галкова, 2008*a*; Галкова, 2008*b*].

Проблемы сохранения культурного наследия, куда входят и мемориалы, посвященные памяти погибших в годы Великой Отечественной войны, разрабатываются как на общегосударственном, так и на региональном уровне.

В 2011 г. вышло учебное пособие Н. К. Гуркиной и А. П. Исаева, посвященное охране культурного наследия [см.: Гуркина, Исаев]. Анализу правового статуса памятников истории и культуры посвящены работы Л. Р. Клебанова, Е. В. Вагаповой, В. В. Гокосенко, А. К. Вахитова, О. В. Давлетшиной, А. М. Кулемзина и др. [см.: Клебанов; Вагапова; Гокосенко; Вахитов; Давлетшина; Кулемзин]. Проблемам сохранения памяти о войне посвящены материалы научных конференций [см.: Макаров; Основные направления противодействия...; Сохранность и доступность...], региональные исследования [см.: Булочникова, Павловская; Войкова].

В статье Н. В. Калининой представлено содержание деятельности государств – участников СНГ в области увековечения памяти героев Великой Отечественной и Второй мировой войн. Автор считает, что сегодня уже можно говорить о сложившихся в рамках СНГ традициях в деле проведения этой многоаспектной работы [см.: Калинина, с. 105–112].

Уважение к предкам, сохранение памяти погибших за свою Родину – эти качества объединяют народы. Обзор основных направлений военно-мемориальной работы за рубежом представлен в статье директора Консульского департамента МИД России А. Г. Карлова.

За пределами России на территории 51 иностранного государства находятся 22 637 российских (советских) воинских захоронений, которые относятся к различным периодам российской истории. Автор сообщает, что из захороненных за рубежом более 5,5 млн военнослужащих установлены имена чуть меньше 1 млн погибших. Проблема защиты мемориальных объектов за рубежом в последние годы все больше приобретает политизированный характер. По убеждению А. Г. Карлова, военно-мемориальная работа направлена на то, чтобы сохранить историческую память о победах, которые являются весомым моральным ресурсом для дальнейшего развития России [см.: Карлов, с. 90–96].

Таким образом, анализ зарубежной историографии проблемы позволяет сделать вывод о том, что военно-мемориальное наследие рассматривается как действенный механизм развития исторической памяти. Военные монументы – это разновидность мест памяти, которые позволяют сохранять коллективную память, а их конструирование осуществляется более активно по сравнению с другими местами памяти. Воинские

монументы, являясь частью коммуникативной памяти, создаются носителями культурной памяти [см.: Хальбвакс; Нора; Ассман].

В отечественной историографии активно исследуются места памяти через призму исторической политики. Российские военные мемориалы не являются объектами извлечения прибыли, их содержание требует затрат. Однако большинство российских исследователей (историков, культурологов, философов, социологов, искусствоведов, политологов и др.) придерживаются мнения о том, что военные мемориалы – это инструмент так называемой исторической политики [см.: Вяземский; Бордюгов; и др.]. Ее основные задачи, по мнению научного сообщества, заключаются в следующем:

а) воспитание молодежи на боевых традициях старших поколений через объективное освещение событий в учебниках и сохранение военных мемориалов;

б) национальные места исторической памяти, к которым относят и рукотворные мемориалы, способны служить сплочению общества;

в) военные мемориалы способствуют культурно-исторической самоидентификации;

г) сохранение военных мемориалов – важное направление обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития России;

д) сохранение отечественных военных мемориалов – сложившаяся традиция в странах СНГ и в дальнем зарубежье, средство пропаганды российских культурных ценностей и истории;

е) военные мемориалы – ресурс для дальнейшего развития России.

Большая часть выявленных отечественных научных работ по проблеме относится к периоду 1997–2013 гг. В диссертационных исследованиях исследуются вопросы эстетического, художественного, просветительного и идеологического потенциала памятных сооружений (А. Е. Лапшина, Т. Г. Малинина, А. В. Святославский, О. В. Галкова и др.). Научные исследования посвящены типологической характеристике русских мемориально-ландшафтных композиций. В каждой эпохе выделяется своя тема и традиция (Е. М. Коляда). Мемориализация активно проводится после любой военной кампании (О. Коршунова).

Начиная с 2000-х гг. выходят справочники по памятным сооружениям Москвы, крупным монументам России, научные исследования, посвященные сохранению мемориалов отдельных регионов России (И. А. Самарин, Е. В. Ильин, С. И. Садовников и др.).

Главной темой многих работ выступает Победа в Великой Отечественной войне. Возведение военных мемориалов послевоенной эпохи и постсоветского периода – способ сохранения памяти о Победе. Наиболее

активными периодами установки памятников участникам Великой Отечественной войны являются юбилеи победы (З. Балика, Н. Конрадова, А. Рылеева).

Адорно Т. Проблемы философии морали / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М., 2000.

Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 47–55.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

Балика З. Великая Отечественная война: пробуждение архетипов // Клио. 2011. № 4 (55). С. 86–88.

Болсун Г. Воспитание памяти : спецкурс «Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны» в системе высшей школы Республики Беларусь // Беларус. думка – Беларус. мысль. Минск, 2010. № 1. С. 122–147.

Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011.

Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа: культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010.

Бордюгов Г., Бухараев В. Вчерашнее завтра. Как «национальная история» писалась в СССР и как пишется теперь. М., 2011.

Булочникова В. А., Павловская Г. В. Состояние дела охраны и использования памятников истории и культуры России на современном этапе // Кадашевские чтения. М., 2008. Вып. 2. С. 82–98.

Вагапова Е. В., Гокошенко В. В. Охрана памятников истории и культуры: памятники историко-культурного наследия (на примере Республики Бурятия). Улан-Удэ, 2006.

Вахитов А. К. Административно-правовое регулирование охраны объектов культурного наследия // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2007. № 6. С. 48–50.

Войкова Э. Л. Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне // Краеведческие записки. Из военной истории Орловского края. Орел, 2010. Вып. 9. С. 247–252.

Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю. «Год российской истории» как фактор актуализации содержания исторического образования, подготовка и повышение квалификации преподавательской истории // Вестн. МГГУ им. М. А. Шолохова. 2011. № 4. С. 9–15.

Вяземский Е. Е. Историческая политика и историческое образование // История и политика в современном мире : материалы междунар. науч. конф. МГГУ им. М. А. Шолохова, 24–25 сентября 2010 г. М., 2010. С. 13–34.

Вяземский Е. Е. Историческая политика как инструмент взаимосвязи профессиональной историографии и коллективной памяти // Преподавание истории в школе. 2011. № 2. С. 20–25.

Галкова О. В. Проблемы изучения культурного наследия в отечественной историографии // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2008а. № 3 (27). С. 108–111. (Сер. Соц.-экон. науки и искусство).

Галкова О. В. Культурное наследие: современные подходы и проблемы // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусства. 2008б. № 6. С. 43–46.

Галкова О. В. Российские традиции охраны культурного наследия : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2012.

Гареев М. А. Сражение на военно-историческом фронте. М., 2008.

Глаголев М. В. Культурные ценности в контексте современного информационного пространства : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2004.

Гуркина Н. К., Исаев А. П. Охрана культурного наследия в России: история и современность : учеб. пособие. СПб., 2011.

Давлетшина О. В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.

Золотухин А. Ю., Коровин В. В., Манжосов А. Н., Немцев А. Д. Военно-мемориальная работа в Курской области // Клио. 2009. № 1 (44). С. 97–104; № 2 (45). С. 95–99.

Ильин Е. В. Забытые солдаты войны // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 2010. Вып. 4. С. 16–21 (Сер. 2. История).

Интервью главного редактора журнала «Преподавание истории в школе» с историком-исследователем, автором книг по истории Великой Отечественной войны, кандидатом исторических наук А. В. Исаевым // Преподавание истории в школе. 2012. №7. С. 27–33.

Ипполитов Г. М. Использование военно-исторической информации на занятиях по отечественной истории в ВУЗе в интересах патриотического воспитания молодежи // Клио. 2011. № 5 (56). С. 150–152.

Историческая память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репниной. М., 2006.

Каваленя А. А. Вялікая перамога – навякі у намці людзей // Изв. Нац. акад. наук Беларуси. Минск, 2010. № 2. С. 52–67 (Сер. гуманитар. наук).

Калинина Н. В. «Мы победили вместе!» (военно-мемориальное направление в сотрудничестве государств – участников СНГ в сфере работы с молодежью) // Мир образования – образование в мир. 2010. № 2. С. 105–112.

Карлов А. Страна помнит своих героев. О военно-мемориальной работе за рубежом // Междунар. жизнь. 2010. № 3. С. 90–96.

Касаткина Е. Е. Монументальная скульптура Москвы постсоветского периода : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2004.

Клебанов Л. Р. Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана / под науч. ред. А. В. Наумова. М., 2012.

Коляда Е. М. Мемориально-ландшафтный комплекс как объект истории и художественной культуры // Вестн. ЧГПУ. 2011. № 3. С. 251–260.

Коляда Е. М. Типологическая характеристика русских мемориально-ландшафтных композиций // Вестн. ЧГПУ. 2011. № 4. С. 220–228.

Конрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 241–261.

Коришунова О. Мемориальная тема в советской архитектуре // Русское искусство. 2005. № 4. С. 46–53.

Кошман Л. В. Культурное наследие как фактор исторической памяти // Вестн. Моск. ун-та. 2011. № 3. С. 7–15 (Сер. 8. История).

Кукина Е. М. В бронзе и камне. М., 2001.

Кукина Е. М., Кожевников Р. Ф. Рукотворная память Москвы. М., 1997.

Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление : автореф. дис. ... д-ра культурол. наук. Томск, 2001.

Лапина А. Е. Философско-эстетический анализ древнерусского монументального искусства (на примере мозаического искусства Киевской Руси) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2011.

Лисицкий А. В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2004.

Макаров А. И. Историческая память *versus* культурная память: конфликт интерпретации исторической реальности // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. М., 2011. С. 91–101.

Малинина Т. Г. Тема памяти в архитектуре военных лет (на материалах конкурсов и выставок 1942–1945 гг.). М., 1991.

Малинина Т. Г. Художественный образ памятника Великой Отечественной войны (на материалах конкурсов и выставок 1942–1945 годов). М., 1984.

Мальшева Е. М. Историческая память и духовная безопасность России: противодействие дискредитации победы в Великой Отечественной войне // Проблемы преподавания истории Второй мировой войны. СПб., 2010. С. 33–50.

Микроков В. Ю. Защитим правду о Великой войне // Воен.-ист. журн. 2012. № 5. С. 8–11.

Монументы и памятники воинской доблести и славы России. СПб., 2001.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб., 1999. С. 17–50.

Нужны ли памятники войнам Красной армии на территории бывшего СССР? ВЦИОМ [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.Ru/index.php?id=459&uid=13471> (дата обращения: 02.08.2011).

Основные направления противодействия фальсификации истории Великой Отечественной войны : сб. материалов науч. конф. / Мемориал. музей нем. антифашистов. М., 2011.

Преступники, жертвы, герои: Вторая мировая война в белорусской и немецкой памяти : материалы выступлений участников белорус.-нем. проекта «Жертвы или преступники?» Изображение участников войны и гражданского населения в мемори-

альных комплексах «Брестская крепость-герой» и «Зееловские высоты». Франкфурт н/Одере ; Брест, 2008.

Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. 2-е изд. М., 2000.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 9 т. М., 1954. Т. 5.

Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–51.

Садовников С. И. Архивные исследования в контексте поисковой работы по обнаружению и захоронению воинов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестн. архивиста. 2011. № 1. С. 270–286.

Самарин И. А. Памятники воинской славы Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 2010.

Святославский А. В. Памятники в исторической коммуникации (на материале мемориальных сооружений и памяти установлений Москвы второй половины XIX – начала XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Стрелова О. Ю. Изучая историю – изучаем мифы? // История и политика в современном мире : материалы междунар. науч. конф. МГГУ им. М. А. Шолохова, 24–25 сентября 2010 г. М., 2010. С. 80–86.

Стрельникова А. В. «Места памяти» в городском пространстве // Социология города. М., 2012. С. 232–238.

Сокол К. Г. Российские монументальные памятники конца XVIII – начала XX в. как объект исторической географии : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2009.

Соколова М. В. Историческая память и школьный учебник // Преподавание истории и обществознания в школе. 2011. № 7. С. 17–22.

Соколова М. В. Что такое историческая память? // Преподавание истории в школе. 2008. № 7. С. 38–40.

Сохранность и доступность культурных и исторических памятников. Современные подходы : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 20–22 окт. 2009 г. СПб., 2010.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. И. Зенкина. М., 2007.

Хмелевская Ю. Ю. О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии / под ред. И. Р. Нарского и др. Челябинск, 2004. С. 7–21.

Palmer S. W. How memory was made: The construction of the memorial «To the heroes of the Battle of Stalingrad» // Russ. Rev – Syracuse (NY). 2009. Vol. 68, Nr 3. P. 373–407.